

присоединяются очевидные противоречия: на гробнице Юлии начертаны слова, что она Цезарева рода, король не могъ не знать этого, какъ зналъ Аскальоне, а между тѣмъ весь романъ держится на противодействіи родителей неровному браку сына. Боккаччо видимо охладѣлъ къ своему роману, куда въ теченіе долгихъ лѣтъ вносила свои воспоминанія.

III.

Затѣя эпоса въ прозѣ не удалась, но Филоколо былъ школой для группы поэтическихъ произведеній, раздѣльнѣе и полнѣе разработавшихъ его формальные элементы: дантовскій аллегоризмъ и эпической матеріяль древности. Первый сталъ на очередь раньше второго, Амето (1340—1)¹⁾ и Любовное Видѣніе (1342) и по времени примыкаютъ къ Филоколо (—1342); и понятно почему: для объективности Тезеиды и особенно *Ninfale Fiesolano* Боккаччо еще слишкомъ безшокенъ, слишкомъ занятъ собою, своими отношеніями къ Фьямметтѣ, создавшими лучшіе эпизоды его Филоколо. Онъ переживалъ свои воспоминанія, обвиняя и оправдывая себя, надѣясь и страдая. Особенно тревожить его одинъ вопросъ, когда-то поставленный въ обществѣ Фьямметты: о земной, низменной любви, какъ облагораживающей, поднимющей человѣка силѣ. Боккаччо стоялъ тогда на точкѣ зреїнія трубадуровъ, искалъ оправданія своей реальной страсти въ общемъ мѣстѣ средневѣковой лирики; Фьямметта являлась болѣе разсудительной, рѣзко подѣляя области плоти и духа. Послѣднее слово осталось за нею²⁾; это было укоръ и разочарованіе, удалившее миражъ поэзіи и возможность идеализациі. Боккаччо не можетъ успокоиться на этомъ, для него это вопросъ самоопредѣленія, и онъ отвѣтилъ на него — своимъ Амето.

Амето, *амуртос* — это человѣкъ неразвитый, непосредственно-

1) Сл. указаніе Боккаччо: что двѣ пятыхъ части 14-аго вѣка уже compiute.

2) См. выше стр. 167 слѣд.

простодушный, какъ сынъ пустынника въ введеніи къ 4-му дню Декамерона, Чимоне въ 1-й новеллѣ V-го дня; наивный, какъ Дафнисъ у Лонга, грубый и неотесанный, какъ Полифемъ въ идеализаціи Феокрита и Овидія¹⁾. Суровый циклопъ, надменно кощунствующій надъ олимпійцами, полюбилъ Галатею и ощутилъ впервые, что такое любовь. Объятый страстнымъ желаніемъ, онъ пламенѣеть, забывъ свои стада и берлоги; начинаетъ заботиться о своей наружности, хочетъ понравиться, расчесываетъ граблями свои всклокоченные волосы, серпомъ обрѣзаль бороду и смотрится въ воду, охорашивая свое свирѣпое лицо²⁾.

Его одинокая, призывающая пѣсня къ Галатеѣ — откровеніе свѣжаго, только что проснувшагося чувства. Ты — красавица, поешь онъ, ты цвѣтешь краше луга, ты выше ольхи, свѣтлѣе кристалла, шаловливѣе молодого козленка, стройнѣе высокаго платана, прозрачнѣе льда, слаше спѣлаго винограда³⁾.

Онъ манить ее къ себѣ; тебѣ будетъ хорошо: есть у меня для тебя яблоки, тяжело нависшія на сучьяхъ, есть на длинныхъ лозьяхъ гроздья винограда, золотыя и пурпурныя: тѣ и другія я берегу про тебя и т. д.⁴⁾.

Для нея припасены у него подарки: лани, зайцы и козлы, пара голубей изъ гнѣзда, добытаго на вершинѣ дерева; нашелья на высокихъ горахъ двухъ мохнатыхъ медвѣжатъ, они будуть

1) Metam. XIII.

2) 762 Quid sit amor, sentit, validaque cupidine captus,
Uritur, oblitus pecorum autrorumque suorum.
Jamque tibi formae, jamque est tibi cure placendi,
Jam rigidos pectis rastris, Polyphemus, capillos,
Jam libet hirsutam tibi falce recidere barbam,
Et spectare feros in aqua et componere vultus.

3) 790 Floridior pratis, longa procerior alno,
Splendidior vitro, tenero lascivior haedo....
794 Nobilior forma ac platano conspectior alta,
Lucidior glacie, matura dulcior uva.

4) 812 sunt poma gravantia ramos,
Sunt auro similes longis in vitibus uvae,
Sunt et purpureae: tibi et has servamus et illas.

играть съ тобой; они такъ похожи другъ на друга, что ты ихъ не различишь. Нашелъ и сказалъ себѣ: припасу я ихъ для моей владычицы! ¹⁾).

Амето — это овидіевскій Полифемъ, спустившійся къ роли пастуха виргиліевой эклоги: онъ живеть въ природѣ, недоступенъ высшимъ порывамъ, пока его не цивилизовала и не просвѣтила любовь; показатель цѣлаго ряда другихъ юношей, также испытавшихъ благое вліяніе любви; въ извѣстной мѣрѣ — самого Боккаччо. Являясь типомъ, отчасти навѣяннымъ литературнымъ преданіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ флорентійской дѣйствительности: его мать была изъ семьи Нерли, жившихъ по ту сторону Арно ²⁾; нимфа Лія, которой онъ обязанъ своимъ превращеніемъ, аллегорія Вѣры, родилась во Флоренціи ³⁾; иносказательное описание Боккаччо позволило приблизительно отождествить ее съ дѣйствительнымъ лицомъ, какъ и большую часть другихъ нимфъ, являющихся въ разсказѣ. Боккаччо любить поэтическіе перечни красавицъ: уже въ поэмѣ его юношеской поры неаполитанскія красавицы изображены въ аллегорической охотѣ, съ ихъ именами и фамиліями ⁴⁾, въ Capitolo ⁵⁾, написанномъ, вѣроятно, въ началѣ 40-хъ годовъ, передъ поэтомъ, погруженнымъ въ сладостныя мечты любви, Амуръ выводить въ пляскѣ двѣнадцать прелестныхъ женщинъ, флорентинокъ, въ среду которыхъ вмѣшалась и Фьямметта: это она «угодила тебѣ стрѣлою въ сердце, оттого и теперь еще ты страдаешь», говоритъ ему Амуръ; «она такъ красива, что тому не повѣритъ никто,

1) 832 *dammae leporesque caperque,
Parve columbarum, demptusve cacumine nidos:
Inveni geminos, qui tecum ludere possint,
Inter se similes, vix ut dignoscere possis,
Villosae catulos in summis montibus ursae:
Inveni et dixi: «dominae servabimus istas».*

2) Амето, стр. 181—2.

3) I. c., стр. 181.

4) La Caccia di Diana, см. выше стр. 121—122.

5) Ed. Moutier v. XVI, p. 116 слѣд.; см. D'Ancona Vita Nuova 2-е ed. p. 46.

кто не поглядить на нее твоими глазами, ибо никому не всмотреться столь глубоко». Подобный-же перечень встрѣтится намъ и въ Любовномъ Видѣніи; Фьямметта, какъ всюду, съ своимъ поэмъ *de guerre*. Въ Амето личныя указанія не столь прозрачны: поэты ограничивается иносказаніемъ, описаніемъ герба и семейнаго прозвища, мѣста рождения и т. д.; имена нимфъ вымыщленныя, отчасти аллегорическія: Монса, Емилія, Адіона, Акримонія, Агапе, Фьямметта, Лія. Всѣ онѣ влюблены и рассказываютъ о своихъ привязанностяхъ, по виду отнюдь не идеальныхъ, нерѣдко въ откровенномъ тонѣ Декамерона. Молодые люди, взысканные, иногда насильно, этой любовью, дѣлаются отъ нея лучше и выше, потому что всѣ эти любовныя похожденія надо понимать аллегорически: передъ нами уже не женщины изъ семьи Торнаквинчи или Борончелли, а три житейскихъ и четыре богословскихъ добродѣтели: Монса — мудрость или благоразуміе, Емилія — справедливость, Адіона — умѣренность, Акримонія — нравственная крѣпость, Агапе — любовь, Фьямметта — надежда, Лія — вѣра¹). Каждая изъ нихъ отдана культу своей богини, но всѣ онѣ взысканы Венерой — и полюбили: добродѣтель, изощренная любовью, поднимаетъ любимаго человѣка къ откровенію небесной любви, Венеры, объявляющейся въ таинственныхъ чертахъ триипостаснаго Бога.

Такова общая идея Амето, аллегорій въ формахъ пасторали. Боккаччо подслушалъ эту форму у Виргиля и его подражателей, но воспользовался ею самостоятельно и сталъ родоначальникомъ пасторального романа въ новой Европѣ. Нѣсколько мотивовъ, напоминающихъ романъ Лонга, навѣяны сходствомъ положеній и не вызываютъ вопроса о какихъ-бы то ни было неизвѣстныхъ намъ источникахъ, тѣмъ менѣе разсказъ Низами о персидскомъ царевичѣ Бехрамѣ и его семи женахъ, одѣтыхъ каждая въ особый цветъ въ соотвѣтствіи съ одной изъ семи планетъ²).

1) Сл. пѣснь Амето, стр. 194—6.

2) Сл. Italo Pizzi, L'Ameto persiano, Giorn. stor. della lett. ital., fasc. 49, стр. 81 слѣд. и его книгу: Le somiglianze e le relazioni tra la poesia persiana e la nostra

Авторъ начинаетъ съ небольшаго введенія (Prologo): разныя случайности и превратности судьбы вызываютъ въ сердцахъ смертныхъ множество желаній; вотъ почему одни любить слушать про битвы, побѣды и замиренія, другія про любовныя приключенія, утѣшаюсь разсказомъ о чужомъ горѣ, возбуждаясь къ великому, или къ новой любви — чтеніемъ про старую. Что до автора, онъ станетъ говорить объ Амурѣ, надѣясь, что его не осудятъ тѣ, кто съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ прославленію любви, какъ высшей нормѣ и руководительницѣ человѣческой жизни, прославленію, повторяющему восторги Троила¹⁾ и разсужденія Галеоне²⁾. Поэтъ будетъ пѣть про побѣды своего вождя, а слѣдовательно за нимъ побуждается его женщина, подобной которой по красотѣ не создали своими священными дланями ни природа, ни искусство; станетъ пѣть въ стилѣ, отвѣчающемъ его низменной долѣ, не боясь укоровъ, не какъ поэтъ, а какъ влюбленный. — Въ стихотворной пьесѣ, кончающей введеніе и написанной терцинами, какъ все стихотворныя партіи Амето, авторъ обращается къ Китерѣ и Амуру, прося его «утолить новое пламя», которое онъ зажегъ въ его сердцѣ. А ты прелестное созданіе, donna gentile, которой душа моя подвластна, даже и въ мукахъ чувствуя себя счастливой, помолись о томъ, чтобы твой служитель могъ достойно воспѣть твою красоту. Я ничего не стою, безъ тебя — еще менѣе; да снизойдетъ на меня твоя помощь, и я покажу, что Юпитеръ поскучился для другихъ на прелести, которыми сіяешь ты и твои подруги, чтѣ бесѣдовали съ тобой, подъ тѣнью цвѣтущааго лавра, въ ту сладостную пору, когда поютъ птицы. И вотъ я принимаюсь слагать разсказъ о милыхъ рѣчахъ и веселыхъ забавахъ и чудесномъ спасеніи, совершенномъ вами въ области любви, и ожидаю, что твое наитіе

del Medio Evo (Torino, 1892). Противъ сближеній автора съ V. Crescini, Qualche appunto sopra l'Ameto del Boccaccio, Padova 1893 (оттискъ изъ Atti e Memorie Падуанской академіи, vol. IX, disp. 1, любезно доставленный мнѣ авторомъ).

1) Filostrato, III, 74; см. выше стр. 137—8.

2) Filocolo, въ 7-мъ вопросѣ любовной бесѣды; см. выше стр. 169—170.

доставитъ хвалу моимъ словамъ, а твоя доблесть вознесется до звѣздъ.

Какое это новое пламя и какая donna gentile возносится до звѣздъ, этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ лишь въ концѣ слѣдующаго разбора.

Мѣсто дѣйствія Амето въ Италии, и именно въ Этруріи, посрединѣ которой поднимается гора, въ древности называвшаяся Коритомъ (нынѣ Фьезоле). На ея склонахъ ростетъ густой боръ, который часто посѣщаетъ бродячій охотникъ Амето, чествуя жертвами фавновъ и дриадъ, точно родичей, а они въ отплату за то посыпали ему въ охотѣ удачу. Однажды, нагруженный добычей, онъ остановился отдохнуть въ долинѣ, тамъ, где замираютъ въ Арно воды Муньоне; разлегся на травѣ, распахнулся, грубой рукою оттеръ потъ съ лица, освѣжилъ ротъ, пожевавъ зеленыхъ листьевъ; отдохнувъ, сталъ баловаться со своими псами: кого схватить за морду, кого за хвостъ или за ноги, а тѣ бросаются на него, играя, вырвать ключекъ его небогатой одежды, а онъ сердится. Вдругъ до него донесся съ рѣки прелестный голосъ и звуки неслыханной пѣсни. Это боги спустились на землю, думаетъ онъ; я что-то замѣтилъ сегодня, да не повѣрилъ себѣ: въ лѣсу звѣрей было какъ-будто больше, солнце свѣтило ярче, гуще трава и цвѣты. Онъ хочетъ пойти поглядѣть на нихъ, принести имъ въ даръ свою добычу. Укротивъ собакъ ласкою и гнѣвнымъ взоромъ и палкой, онъ начинаетъ прислушиваться, склонивъ голову на лѣвое плечо, затѣмъ, привязавъ псовъ къ дубу, взялъ въ руки суковатую палку и идетъ по направлению голоса. На берегу рѣчки, въ тѣни кустарниковъ, онъ видитъ молодыхъ женщинъ — нимфъ; онъ отдыхаютъ; иные, въ любимой у Боккачью позѣ, бродятъ, разувшись, въ водѣ, другія, засучивъ рукава, чистятъ луки и стрѣлы, третья прислушивается къ пѣснѣ, которую пѣла одна изъ нихъ. Считая ихъ богинями, Амето поспѣшилъ и сталъ на колѣни, не зная, что и подумать; когда собаки нимфъ набросились на него, онъ отбивается, полумертвый отъ страха: ему припомнилась судьба Актеона. Нимфы учили собакъ, радушно

успокоили Амето, и пѣвица, Лія, снова принялась за пѣсню. Она поетъ про своего отца Кефисса, мать Лириопу и брата Нарцисса, обращенного въ цвѣтокъ; онъ погибъ отъ своего жестокосердія, ибо не внималъ ни чьей любви; мнѣ же она мила, я хочу быть любимой, продолжаетъ Лія: кто пожелаетъ открыть очи сердца на мою красоту и удержать ее въ нихъ, тому я дамъ вкусить наслажденія, которое для любящихъ выше знойнаго, сильнаго желанія, и никогда не будетъ знать печали, кто разумно увлечется моей красою, какъ увлеклись тѣ, которыхъ послѣ долгихъ усилий я возвела на вершину высшаго блага. Мнѣ имя — Лія отъ моего художества, я горю въ томъ пламени, которымъ горитъ гора Цитеры.—Лія, понята, вѣроятно, въ связи съ греч. λεῖα (добыча, особенно охотничья), какъ охотница: Лія-вѣра улавливаетъ души.

Пока пѣлась пѣсня, Амето робкими шагами подошелъ ближе и, уставивъ руки и бороду на посохъ, стоялъ, какъ вкопанный, заглядѣвшись на пѣвицу; когда пѣсня кончилась, онъ очнулся отъ самозабвенія, какъ человѣкъ, внезапно разбуженный и не признающій, гдѣ онъ¹⁾). При видѣ его, подруги Ліи едва удержались отъ смѣха, уже показавшагося въ ихъ глазахъ; Амето едва устоялъ, не говоря ни слова, опустился на траву и весь погрузился въ созерцаніе Ліи, рѣзвившейся на лугу съ товарками. Все въ ней ему нравится; блаженъ тотъ, кому достанется ея любовь, говорить онъ себѣ и то считаетъ себя ея достойнымъ, то, принявши разбирать свой грубый образъ, уличаетъ себя въ смѣлости — и снова возвращается къ первой мысли. Среди такой внутренней борьбы онъ возгорается къ той, которую до тѣхъ поръ никогда не видѣлъ, и чѣмъ яснѣе у него представление, что его желаніе не будетъ удовлетворено, тѣмъ сильнѣе онъ его ощущаетъ. Новичекъ и неопытный въ этомъ дѣлѣ, онъ не понимаетъ, откуда взялась у него эта страсть и что ее возбудило, и, созерцая nimfu, открываетъ незнаемые пути любви и уже начи-

1) Стр. 14; сл. Dante Purg. XI, v. 34—6.

наетъ догадываться по глазамъ красавицы, что его желаніе встрѣчено сочувствіемъ; онъ хочетъ удовлетворить его, но еще болѣе разжигаетъ, пристальнѣе взглядываясь въ тѣ глаза. Такъ, самъ не зная, что творить, онъ впиваешьъ въ себя незнакомое ему пламя, и какъ огонь, внезапно охвативъ маслянистые предметы, то отхлынетъ отъ нихъ, то снова ихъ охватить, такъ приливалася и отливала волнами страсть Амето¹⁾. Онъ передумываетъ пѣсню Ліи, ему понятны всѣ ея слова—но что такое Амуръ? Это единственный изъ боговъ, о которомъ онъ не имѣеть понятія, а она поетъ о немъ, слѣдуетъ за нимъ; пусть онъ откроется ему, дабы онъ могъ угодить той, чи очи заставили его забыть лѣсныя сѣни, охоту, его лукъ и псовъ. Она одна нравится мнѣ; не это ли Амуръ? Если такъ, она дороже мнѣ всего; если вѣтъ—она все-же мнѣ мила.—Тутъ онъ спохватился: вспомнилъ о жестокой власти, которую проявляютъ красавицы, о своей свободѣ. Что-же онъ намѣревается сдѣлать съ собой? Боги да удалить отъ него обуявшую его страсть; она ему не къ лицу, онъ слишкомъ неотесанъ, нѣть у него красоты Зевса и Адониса, сокровищъ Мидаса, кинеары Орфея. — Брошу я все это, говорить онъ себѣ, но поглядѣль на Лію, и снова ему захотѣлось понравиться ей: онъ опрavitъ волосы, набѣжавшіе на лицо, пригладиль бороду, привелъ въ порядокъ дырявое платье; упрекаетъ себя въ малодушіи: почему-же ему не попытаться? Если самъ я не приглянусь, угожу дѣломъ: она охотница, я буду ей спутникомъ, стану носить ея оружіе, указывать логовища звѣрей, срывать вѣтки съ густыхъ дубовъ—на вѣнки. У него не разъ является желаніе объясниться, попытать новаго брода, но до того не допустило его свойство новаго властелина, которому онъ отдался; онъ отступилъ назадъ, и лишь загорѣлое лицо не дало разглядѣть на немъ краски стыда. Онъ спѣшилъ къ мѣсту, где оставилъ свою добычу, и подбодрившись, скрывая внутреннюю робость, приносить ее въ даръ Ліи, бормоча несвязныя рѣчи. Его принялъ

1) Сл. выше стр. 184, прим. 2.

въ общество нимфъ, и ни шутки, ни вамеки, которыхъ онъ, быть можетъ, и не понималъ, не заставили его отстать отъ нихъ до самой ночи.

Съ тѣхъ поръ всѣ мысли Амето отданы его нимфѣ; онъ клянеть долгія ночи, лишь только забрежетъ свѣтъ, спѣшить въ лѣсъ, поджидаетъ нимфъ, охотится съ ними и отдыхаетъ на берегу рѣки. Но наступила «плакучая» зима, и его веселье кончилось; описание зимы и занятій, которыми влюбленный коротаетъ время, исправляя сѣти и охотничій снарядъ¹⁾, напоминаетъ эпизодъ въ романѣ Лонга, гдѣ Дафнисъ также томится, не видя Хлои. Но вотъ солнце вступило въ созвѣздіе Овна (мартъ), и снова Аметъ охотится въ лѣсахъ вмѣстѣ съ Ліей и ея подругами. Однажды, долго побродивъ и разыскавъ ее, онъ разлегся на травѣ и принялъ пѣть. Его пѣсни напоминаютъ мотивы Овидіева Полифема, стиль тосканскаго stornello, и милый шаржъ ея народныхъ образовъ и сравненій идетъ къ типу наивнаго Амето: Фебъ поднялся на средину неба, всѣ ищутъ тѣни, одна лишь ты скитаешься въ солнечныхъ лучахъ. Приди-же! «Ты свѣтлѣе стекла, слаще спѣлаго винограда; я молюсь на тебя въ моемъ сердцѣ, въ которомъ постоянно тебя ощащаю. Какъ пальма поднимается въ высоту, такъ и ты; ты градіознѣе молодаго ягненка на пастбищѣ, милѣе и отраднѣе, чѣмъ студеная вода для усталаго тѣла, чѣмъ огонь для похолодѣвшихъ членовъ. Часто сравнивалъ я твои кудрявые волосы съ сухой, золотистой соломой Цереры; если-бы не боязнь надобѣсть тебѣ, я бы вымолилъ у Юпитера, какъ высшей милости, позволенія—вѣчно глядѣть на тебя. Приди, я принесъ для тебя веселые подарки: набралъ цветовъ, красивыхъ и пахучихъ, приберегъ, по моему обыкновенію, вишень — но ты медлишь, и они чай согрѣлись. Есть у меня для тебя шелковичныя ягоды, бѣлыя и красныя, какъ огонь, миндаль и сливы и земляника, славныя груши и фиги. Нашелъ я гнѣздо горлицы, такихъ красивыхъ птенчиковъ не отыскать, ты по цѣльмъ часамъ будешь заниматься ими; да еще поймаешь я двухъ зайчиковъ отъ

1) Стр. 21—8.

раненой матки, такихъ граціозныхъ, что ихъ жаль было убивать.
И много еще другого принесъ я для тебя, моя красавица».

Но красавица не явилась, и Амето ушелъ, проклиная свою собственную нерасторопность.

Настали дни, посвященные издревле чествованію Венеры; народъ стекается въ храмы, особенно въ одинъ, возвышавшійся на мраморныхъ колоннахъ между Арно и Муньоне. Сюда явились нимфы, фавны и дріады, сатиры и наяды; принарядился Амето, пришла и Лія. Когда отошла служба въ храмѣ, всѣ разбрелись по тѣнистымъ мѣстамъ, кто игралъ на свирѣли, кто на киаарѣ, иные вообразили себя такими-же судьями въ боѣ животныхъ, какъ Александръ—Парисъ; другіе занялись рукодѣльемъ. Амето не отстаетъ оть Ліи, которая усѣлась со своими на лугу, защищенному отъ солнца, и тихо повела рѣчъ о вышнихъ богахъ и людскихъ недостаткахъ. Не успѣла она начать, какъ явились двѣ нимфы-красавицы, которые и подсѣли къ остальному обществу. Амето внимательно разглядываетъ ихъ, а Боккаччо вторить ему точнымъ описаніемъ — портретомъ; и такъ всегда, когда явятся новые гости. Съ стилемъ этихъ портретовъ мы уже знакомы по изображенію Фламметты¹⁾: художникъ идетъ сверху внизъ, отъ прически до крохотныхъ ножекъ, останавливаясь на всякой подробности костюма — и того, что онъ пластически скрываетъ. Считанныя вмѣстѣ, подъ рядъ, эти описанія производятъ впечатлѣніе скучи; ихъ надо перенести на бумагу, карандашемъ, чтобы понять, сколько въ нихъ разнообразія, и признать въ Боккаччо сильное чувство контура и складки²⁾ и свѣта. Бѣлое, шитое золотомъ платье нимфы мелькаетъ промежъ деревьевъ, указывая ея путь³⁾; поклонникъ гладко-приложенныхъ причесокъ⁴⁾, Боккаччо помнить Овидія⁵⁾ и умѣеть найти пре-

1) Сл. выше стр. 112—113.

2) Сл. Амето, стр. 53—4.

3) Сл. ib. стр. 49.

4) Сл. выше, стр. 113.

5) Сл. Art. Am. II, 137 слѣд.

лесть въ волосахъ, распущенныхъ въ живописномъ беспорядкѣ: волосы — краса женщины¹⁾, и его художественному реализму не претитъ образъ нимфы, отирающей прекрасною ручкою и тончайшимъ платкомъ «блестящія искорки» пота, исполосившія лицо²⁾.

Лія кончила между тѣмъ свою рѣчь, и нимфы спѣшать на звуки свирѣли: то пастухъ Теогапенъ слагаетъ пѣснь въ похвалу богини, которой только что принесли жертвы. Содержаніе его пѣсни какъ-бы раскрываетъ внутренній смыслъ всего, что далѣе развивается въ пасторали: это гимнъ возвышенней любви, изощряющей человѣка ко всему лучшему, дѣлающей его добродѣтельнымъ; на кого падетъ ея лучъ, тотъ пренебрегаетъ мірскимъ, бѣжитъ Вакха и Цереры и неумѣренныхъ вожделѣній плоти, его конечное стремленіе — воззойти къ вѣчному царству любви, красоты котораго вѣщаютъ Бога.

Двѣ новыхъ красавицы подошли къ Ліи; нимфы благодарятъ пѣвца: его пѣсня была имъ мила, какъ усталому сонь на зеленомъ лугу, жаждущему студеный ключъ³⁾, а Теогапенъ просить нимфъ, въ награду за пѣсню, быть судьями въ поэтическомъ спорѣ двухъ пастуховъ: Ахатена изъ Академіи и Альцесты изъ Аркадіи; побѣдителю достанется вѣнокъ, Теогапенъ подыгryваетъ имъ на свирѣли. Альцеста поетъ про горы, на которыхъ зарей онъ выгоняетъ свое маленькое стадо; оно питается тощей травой, ростущей на скалахъ, пьеть ключевую воду и бываетъ здорово, а пастухъ печется о немъ, сторожить ночью и бережетъ отъ вѣтра. — Ахатенъ издѣвается надъ нимъ: ему такъ нечего водить свое стадо въ горы, на роскошныхъ полянахъ вдоволь травы и пойла; ему нѣтъ дѣла до того, каково то и другое, лишь бы стадо множилось, а оно множится, есть, что и волку учесть; нѣть нужды сторожить овецъ или сѣтовать, что онъ не

1) Сх. Амето, стр. 38, 54, 121.

2) I. c. стр. 37.

3) I. c. стр. 42 сх. Virgl. Ecl. V, 45—7.

слушаются: лишь бы набить глотку и кошель. — На эту тему развивается преніе, кончающееся победой Альцесты и заявлениемъ, что его противникъ не пастырь, а скорѣе врагъ своему стаду.—Пренія имѣютъ, очевидно, иносказательный смыслъ: дѣло идеть о пастѣ душъ и о пастыряхъ, о нихъ радѣющихъ или нерадивыхъ. Это — частная аллегорія, входящая въ планъ общей: Лія также упасеть Амета на стезяхъ спасающей любви.

Еще двѣ нимфы увеличили общество Ліи; онъ усѣлись, вмѣстѣ съ ними Амето; долго онъ глядѣть на нихъ и затѣмъ заводить пѣсню: благодарить боговъ, что сподобили его такого блага, Амура, вырвавшаго его изъ грубой, безсознательной жизни — взорами Ліи. Подъ ея руководствомъ онъ будетъ вѣчно служить ему, бросить охоту и звѣрей, станетъ следовать за красавицами. Онъ клянеть утраченное время, и какъ Данте въ одномъ юношескомъ сонетѣ, выражаетъ желаніе, чтобы боги навѣки оставили ихъ вмѣстѣ въ томъ положеніи, какъ теперь, юными и веселыми, безупречными, всегда пылающими огнемъ Амура.

Нимфы отдыхаютъ: та бродить босая въ холодныхъ струяхъ, другая, распахнувшись, машетъ на себя покрываломъ, призывая Зефира, третьей не видно въ травѣ, гдѣ она разлеглась, положивъ блокурую головку на свернутый плащъ. Всѣ прислушиваются къ пѣснѣ Амето, котораго боги, должно быть, не одарили слухомъ, и хихикаютъ и шутятъ надъ нимъ. Когда онъ умолкъ, Лія повела такую рѣчъ: еще солнце въ полудни, намъ нечего уходить отсюда пока оно не склонится къ западу, и неѣтъ другого развлечения, кроме бесѣдъ. Ввиду нынѣшняго празднества будемъ говорить о нашихъ привязанностяхъ; такъ мы проведемъ день въ занятіи, не во снѣ и тунеядствѣ, какъ то дѣлаютъ другіе, жалкіе.—Всѣ согласились, и такъ какъ каждая изъ нихъ была почитательницей какой-нибудь богини, порѣшили, чтобы каждый разсказъ кончался хвалебнымъ ей гимномъ. Амето будетъ распорядителемъ¹⁾, онъ предлагаетъ начать Мопсѣ.

1) *Antiste*, стр. 59.

Слѣдующая часть пасторали напоминаетъ не столько извѣстные намъ бесѣды въ саду, изображенные въ Филоколо, сколько болѣе выработанный планъ Декамерона; Боккаччо подходитъ къ нему постепенно. Одна нимфа за другой выступаетъ съ своей повѣстью по назначению Амето, съ такими же пріемами, какіе характерны для зачала новеллы Декамерона: разсказщица начинаетъ нѣсколькими общими мѣстами, она смущена, готова повиноваться, говорить, что ей лучше было бы не сказывать послѣ новеллы ея подругъ. Гимны, вѣнчающіе каждый разсказъ, обратились въ Декамеронѣ въ канкану, завершающую день.

Мопса начинаетъ съ нѣсколькихъ біографическихъ данныхъ о себѣ, выраженныхъ иносказательно; ясно одно, что имя ея мужа было Неронъ — а въ числѣ красавицъ, воспѣтыхъ Боккаччо въ его Capitolo¹⁾, является и шонна Lottiera di Neron Gigi. Съ юности отецъ посвятилъ ее служенію Палладѣ, она выросла среди музъ и отвѣдала кастанійского источника; Палладѣ она осталась вѣрна и впослѣдствіи, когда ее выдали за нелюбимаго, некрасиваго мужа. Однажды, гуляя въ раздумья по морскому берегу, она увидѣла въ ладьѣ прелестнаго юношу Афрана; любитель моря, не умѣя управиться, онъ и въ даль боялся пуститься и не хотѣлъ пристать къ берегу, а держась вдоль его, былъ игрушкою волнъ. Его красота обуяла Мопсу и, движимая Венерой, она принялась его звать, просить выйти на берегъ, не играть жизнью. Тотъ не слушаетъ ее, а она истощилась въ уговорахъ: пусть явится, она обласкаетъ его, какъ Геро Леандра; она — служительница Паллады, нимфа Парнасса, Аполлонъ открылъ ей свою мудрость, ее она повѣдастъ ему, посвятить его въ тайны всего сущаго. Когда и это не помогло, она отбросивъ стыдъ, обнажила передъ нимъ свои роскошныя формы — и слышитъ голосъ Афрана: Твоя красота побѣдила меня. Онъ присталъ къ берегу и, удостоенный объятій красавицы, забыть свою грубость, смягчился нравомъ, и нѣть никого, кто бы въ наше время былъ среди насть

1) Сл. выше стр. 264—5.

славнѣе его въ искуствахъ Паллады, говорить Мопса, заключая свой разсказъ торжественнымъ гимномъ богинѣ, съ стилистическими воспоминаніями изъ Данте¹⁾.

Вспомнимъ, что Мопса — аллегорія мудрости; изощренная любовью, она просвѣщаетъ Афрана, т. е. неразумнаго. Амето такъ увлеченью ею, что отдался бы ея служенію, если бы ему можно было отстать отъ Ліи; онъ пораженъ былъ ею одной, теперь пылаетъ къ обѣимъ.

Второй рассказщицей назначена Емилія. Ея новелла интересна возбуждаемыми ею біографическими вопросами. Она любить Ибриду, а мы знаемъ²⁾, что въ Ибридѣ Боккачъ изобразилъ самого себя. Мы не смущаемся тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Амето Боккачъ является еще разъ подъ именемъ Галеоне; и въ Филоколо онъ двоится: то Идалагъ, то Галеоне. Но при Галеоне стоитъ его Фьямметта; кто такая Емилія — при Ибридѣ-Боккачъ?

Ея отецъ родился на берегахъ Арно, мать родомъ изъ Фезоле; отъ юности она посвятила себя Діанѣ, которой продолжаетъ служить и позже, выйдя замужъ за человѣка, избраннаго ея матерью. У нея родился сынъ, но ея бракъ неудачливъ, ибо на нее негодуетъ за культь Діаны устроительница браковъ, Юнона. Однажды въ храмѣ Венера предстала ей и поразила ее своимъ пламенемъ; позже ей представляется видѣніе: на огненной колесницѣ, влекомой драконами, несется сіяющая, вооруженная жена, на шлемѣ гребень; она править щитомъ, рядомъ съ ней пламенный, какъ она, духъ. Они мчатся стрѣлою, пытаясь проникнуть въ небо; горделивой самонадѣянностью звучатъ ихъ пѣсни: мы низвергнемъ боговъ-правителей, наша доблесть превыше звѣздъ; вѣтъ благородства тамъ, гдѣ богатство можетъ восполнить его недостатокъ; наша сильная, прекрасная молодость даетъ намъ увѣренность и крѣпость духа; до неба недалеко, и

1) Сл. Pallade nata dal superno Giove и т. д. и Par. I, 1—5.

2) Сл. выше стр. 18.

если намъ откажутъ въ доступѣ, мы сожжемъ его, какъ сжегъ Фаэтонть.—Емилія вдумывается въ содержаніе пѣсни, опустила глаза и видѣтъ: на лугу, точно Елена надъ тѣломъ Париса, сидитъ Венера надъ юношой, казавшемся бездыханнымъ, и держитъ за поводъ его коня; въ рукѣ щитъ и копье. Емилія подходитъ къ ней, молитъ повѣдать причину ея грусти и то, что случилось. Этого юношу, съ дѣтства оставленнаго мнѣ его матерью, я воспитала въ услуженіе себѣ, отвѣчаетъ богиня, поставила его себѣ рыцаремъ, и мои долгія заботы обѣщали увѣнчаться успѣхомъ, когда, подъ наитiemъ какой-то богини, онъ отсталъ отъ меня, и его духъ блуждаетъ въ пространствѣ, въ обществѣ моей обидчицы, какъ ты сама это видѣла. — Богинѣ нельзя перечить рѣшенію сверстницы, но Емилія предлагаетъ свои слабыя услуги: подошла къ юношѣ, разоружила его, отогрѣла руками, и покинувши его жизненные духи вернулись къ нему постепенно, въ членахъ показались слабыя движенія, точно на поверхности воды, тронутой вѣтеркомъ. Онъ очнулся, еще не владѣеть голосомъ и знаками просить прощенія у богини. Та прощаетъ ему, велитъ не пропасть больше и налагаетъ эпитетомъ: онъ обязанъ слѣдовать за Емиліей, чествуя ее, какъ спасительницу своей жизни.

Богиня исчезла, а Ибрида разсказываетъ Емиліи о себѣ и о своемъ происхожденіи: предки его матери — троянцы, переселившіеся на берега Сены. Родилась она, когда протекли двѣнадцать вѣковъ и девять частей тринадцатаго ¹⁾, «какъ теперь изъ пяти частей четырнадцатаго прошли двѣ» — что опредѣляетъ 1340 — 1-мъ годомъ времія написанія Амето. Мать Ибриды, вышедшая за военнаго человѣка (*armigero di Marte*), рано овдовѣла и, повѣривъ увѣщаніямъ прѣбжаго молодца, отдалась ему; его имя, «какъ не заслуживающее извѣстности, я умалчиваю», говорить разскажчикъ. Мы знаемъ, какими чертами характеризуетъ Боккаччо своего отца, когда поминаетъ о его вѣроломномъ поступкѣ съ его матерью ²⁾. Плодомъ этой связи былъ — Ибрида;

1) Т. е. въ 1390 г.

2) Сл. выше стр. 12.

оставленная своимъ соблазнителемъ, бѣдная женщина умерла, самъ онъ женился, но боги, попустившіе вѣроломство «столь низкаго» человѣка, «обманщика», уготовили ему наказаніе, лишивъ его большей части средствъ, принесенныхъ женою, постъ тивъ смертью ее самое, ея собственныхъ (отъ первого брака?) и общихъ дѣтей¹⁾.

Главными подробностями этого рассказа, поддержаными сходнымъ разсказомъ Идалага, мы уже воспользовались, говоря о дѣятельности Боккаччо; слѣдующіе вызываютъ вопросъ — относительно ихъ биографической стоимости. Ибрида продолжаетъ рассказывать о себѣ: онъ выросталъ подъ охраной Венеры; отдавшись позднѣе упражненіямъ Паллады, сталъ испытывать свои силы, и такъ благосклонна была къ нему судьба, что многие считали и считаютъ его хорошимъ бойцомъ. Но прекрасный цвѣтокъ далъ неожиданно печальный плодъ: возгордившись первыми успѣхами, Ибрида возмнилъ себя Геркулесомъ и противъ воли боговъ сталъ возноситься духомъ къ тайнамъ неба. Это — онъ былъ въ колесницѣ, явившейся Емиліи; богиня рядомъ съ нимъ, несомнѣнно, Паллада. Но небеса не раскрылись передъ нимъ, силь у него не хватило, и ему угрожала неминуемая смерть, когда Емилія возвзывала его къ жизни и обязала служить ей: пусть скажетъ, что ему дѣлать. Емилія ободряетъ его трудиться и искать плодовъ на поприщѣ, на которомъ уже объявились столь прекрасные цвѣты, а она обѣщаетъ наградить его дарами, которыми располагаетъ Венера. — Рассказъ завершается хвалебною пѣснею Діанѣ.

Еслибъ совопросницей Ибриды явилась Фьямметта, мы не усомнились бы привлечь къ биографіи Боккаччо все сказанное о похожденіяхъ Ибриды на стезяхъ Паллады. Боккаччо съ молоду былъ подвластенъ Венерѣ, какъ Ибрида; какъ онъ, увлекался наукой: его астрономическія штудіи съ Андалоне ди Негро легко было-бы сопоставить съ аллегорическимъ полетомъ на колесницѣ

1) Ameto, стр. 77—81.

Минервы къ вратамъ неба. Фъямметта поощряла его поэтическіе опыты, какъ Емилія стремленіе Ибриды; крайнее увлеченіе наукой, которое упорядочила любовь, была бы новой чертой въ характеристикѣ поэта въ бурную пору его молодости. Въ Емиліи подозрѣвали Емильяну дей Торнаквинчи, упоминаемую въ извѣстномъ Capitolo Боккаччо; можетъ быть, это лишь на половину дѣйствительное лицо, на половину поэтическое *prête-poш*, къ которому Боккаччо пристроилъ часть своей бiографiи. Герояня Тезеиды также названа Емиліей и также служительница Діаны, въ Боккаччо предоставляетъ Фъямметтѣ разгадать въ отношеніяхъ Емиліи къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы — ихъ собственные, извѣстныя имъ однимъ.

Какъ Емилія — аллегорія справедливости, такъ Адіона — умѣренности. Въ отличіе отъ другихъ разсказщицъ она счастлива въ супружествѣ: ея мужъ поклонникъ Вертуна, какъ она Помоны, которой Боккаччо придаетъ особое культурно-правственное значеніе. Она ведеть Адіону въ свой садъ, описанный еще болѣе геометрически-точно, чѣмъ въ введеніи къ 3-му дню Декамерона, съ множествомъ роскошныхъ растеній, стволами Філемона и Бавкіды, деревомъ, въ которое обращенъ былъ мальчикъ Кипарисъ — и прозаическими лукомъ и рѣпой. Наставивъ Адіону въ своеѣ искусствѣ, она говорить ей о себѣ, что стара, какъ міръ, но что первое людское поколѣніе не находило въ ней нужды: при Сатурнѣ земля была обильнѣе всякими благами, чѣмъ жителями, люди питались желудями, питьемъ служила вода¹⁾), высокія деревья подавали имъ сѣнь и, какъ у животныхъ, плотскія вожделѣнія ограничены были цѣлью продолженія рода. Съ воцаренiemъ Юпитера все измѣнилось: явились Церера и Вакхъ, съ ними снѣди и напитки, возбуждающія похоть; ленъ подалъ нити для охотничихъ сѣтей, горы и глина — матерьялъ, устранившій древесныя сѣни; Минерва научила людей пряжѣ, у Амура, до тѣхъ поръ поконившагося на лонѣ матери, отросли

1) Слѣдуетъ перечисленіе историческихъ рѣкъ, Амето, стр. 93—4.

крылья, и онъ сталъ летать по свѣту, меча свои стрѣлы. Явился Сарданапалъ и научилъ людей роскошнымъ постройкамъ¹⁾; гордыня гигантовъ и преступленія Девкаліона вызвали потопы и измѣненія, зло запало въ людскія души, — и я стала нужна развращенному поколѣнію и занялась своимъ садомъ.— Болѣе, чѣмъ изъ этого пессимистического обзора мірового развитія²⁾, выясняется роль Помоны изъ гимна, которымъ заключается разсказъ: она обуздываетъ Вакха, умѣряетъ Цереру, обязываетъ Венеру предѣлами супружескаго долга; она — богиня простого, воздержнаго сельскаго быта, имя ея поклонницы Адіоны — отрицательное отъ Діоны, матери Венеры; юноша, котораго она перевоспитываетъ, названъ, наоборотъ, Діонеемъ, т. е. невоздержнымъ, какъ называется себя порою Боккаччо. Венера предстала ей однажды, дохнула, и она загорѣлась, какъ на полянахъ горы Гаргано всыхиваетъ подожженная крестьянами солома. Въ саду она встрѣчаетъ однажды красиваго юношу: онъ поконится въ тѣни, одѣтъ богато и пестро, точно женщина, не можетъ стражнуть съ себя сна отъ излишне-принятой пищи, его движенія развязны, языкъ претыкается. Ее влечетъ къ нему, хотя сама она осуждаетъ себя за выборъ; онъ не обращаетъ на нее вниманія. Встрѣтивъ его въ храмѣ, она допрашиваетъ его, кто онъ; онъ удивляется, что она его не знаетъ, онъ всѣмъ извѣстенъ, звать его Діонео, онъ — сынъ Цереры и Вакха, и у него одно горе, что онъ не бессмертенъ, какъ боги. Адіона обѣщаетъ ему бессмертіе, пусть только повинуется ея велѣніямъ. И она начинаетъ воспитывать его: заставляетъ одѣваться просто, какъ растенія довольствуются одной одеждой, и какъ онъ въ мѣру ищутъ влаги, такъ и она научила его умѣренности. Онъ бросилъ сонъ, сталъ бдительнымъ и воздержнымъ — и она счастлива.

Мѣсто дѣйствія новеллы на Кипрѣ, гдѣ пріурочена и извѣстная новелла о Чимоне³⁾; онъ такъ же красивъ и такъ же всѣмъ

1) Сл. Div. Comm. Par. XV, 107.

2) Сл. Ovid. Metam. I.

3) Dec. V, 1.

известенъ, какъ Діонео, и такъ же воспитанъ любовью, какъ Боккаччо - Діонео Фьямметтой, когда, покинувъ мелкія привязанности, онъ живеть ею одной.

Амето между тѣмъ любуется красавицами нимфами, не зная, которой отдать предпочтеніе. Онъ еще человѣкъ плоти, и его воображеніе разыгрывается въ этомъ направленіи: онъ мысленно осязаетъ, ощущаетъ ихъ прелестныя формы, его желаніе не знаетъ мѣры; онъ готовъ открыться одной изъ красавицъ, а самъ содрагается отъ этой мысли, улыбается и краснѣетъ и не слышитъ разсказа Адіоны: пришлось обратить его вниманіе на то, что разсказъ конченъ.

Слѣдующій принадлежитъ Акримонії. Она аллегорія нравственной крѣпости — и вмѣстѣ дѣйствительное лицо, до сихъ поръ не отождествленное, не смотря на массу аллюзій. Она родомъ изъ Сициліи, въ юности отдавалась не только пряжѣ, но и другимъ занятіямъ; опасности, грозившія любимому ею отцу отъ неблагодарной черни, побудили ее обратиться съ мольбами къ Беллонѣ, и когда богиня оказалась къ ней благосклонной, она стала ея служительницей. Шестнадцати лѣтъ ее выдали замужъ за сициліанца, хилаго юношу, вовсе не соотвѣтствовавшаго ей. Съ нимъ она перѣхала въ Римъ, и Боккаччо, по обыкновенію, подробно описываетъ ихъ маршрутъ. Здѣсь ея необычайная красота обращаетъ всеобщее вниманіе: ее зовутъ не иначе, какъ прекрасная лигурійка (*la formosa Ligura*), пріѣзжие именитые люди заглядываютъ на нее, ухаживаютъ за нею, а она остается холода, какъ мраморъ. Ея подруги упрекаютъ ее: пусть не раздражаетъ Венеры, которой не противостояли ни боги, ни герои; юность не возвращается, какъ рѣки не текутъ вспять, все въ мірѣ идетъ къ худшему; что станешь ты дѣлать, когда состаришься? старость или смерть — грустные предѣлы юности, и ты еще пожалѣешь, что не любила. Это общія мѣста сонетовъ Боккаччо¹⁾,увѣщаній

1) №№ XXXVII и LXXXII.

Пандара¹⁾ и старухи въ одной новеллѣ Декамерона²⁾.—Но Акри-
монія погрѣшила не въ мѣру своей холдности, отказавъ людямъ,
которымъ иѣть отказа: въ Римѣ, къ престолу великаго понтифекса
боговъ (= папѣ), прїезжаютъ со всѣхъ концовъ свѣта именитые
люди, и у всѣхъ ты на примѣтѣ; за тобой ухаживаетъ сынъ Зевса,
нынѣ правящій богатой рудниками Богеміи, вѣнчанный; онъ быль
бы достоинъ любой богини, говорять ей подруги; если онъ старъ³⁾,
то вѣдь и правитель писальпинской Галліи⁴⁾ любовался тобою и,
если бы ты согласилась, выразилъ бы тебѣ свои желанія. Онъ быль
для тебя слишкомъ знатенъ, но тебѣ быль бы парой тотъ, кто
править въ Кимбріи богатыми народами Минервы: онъ всегда пре-
возносилъ тебя, испытывалъ твои взгляды. Даже священнослужи-
тели, стрегущіе на Капитоліи алтари великаго Юпитера — и тѣ
не отводятъ глазъ отъ твоей красоты; избери-же кого-нибудь,
избѣгая справедливаго гнѣва Амура.—И Венера уже приготовила
ей месть: Акримонія вернулась въ Сицилію, вошла однажды въ
храмъ и, съ притворнымъ равнодушiemъ оглядывая всѣхъ, ви-
дитъ, что иѣть ея красивѣ. Всѣ смотрятъ на нее съ изумленіемъ,
особливо одинъ юноша, красивый, но грубый и распущенный,
по имени Апатенъ, близкій родственникъ Мопсы⁵⁾. Онъ всюду за
нею слѣдуетъ, по ночамъ поетъ ей серенады; она нечувстви-

1) См. выше стр. 133.

2) Декамеронъ V, 10.

3) Разумѣется, очевидно, король Іоаннъ, итальянскія отношенія котораго
относятся къ 1390—1393 годамъ.

4) Che i togati Gallici regge. Въ Amorosa Visione XLII, 7 говорится объ
одной красавицѣ, къ которой пылали (unica intendanza) «миланецъ». Истори-
ческія аллюзіи всей строфы указываютъ на битву при Альтопашью (1325 г.),
въ которой Каструччо Кастракані и Аццо Висконти («миланецъ», правитель
писальпійскихъ галловъ?) сражались противъ войскъ Раймонда Кардона. —
Столь же загадочна, какъ прекрасная лигурійка, la bella Lombarda въ
Capitolo, 16 и Amorosa Visione, XL, 22; ея имя Giovanna; Catenacci (L'Amorosa
Visione di G. Boccaccio, стр. 41, прим. 48) указываетъ на анаграмму Annavo
(= Giovanna) въ эпизодѣ о превращеніи нимфъ въ Филоколо (см. выше стр. 53—
4, 163—4); если ужъ оставаться на почвѣ предположеній, то можно бы при-
помнить и Джованну VI-й канцоны (см. выше стр. 125).

5) Ameto, стр. 112.

тельна, какъ всегда — пока однажды въ томъ же храмѣ, когда Апатенъ страстно молился Венерѣ о помощи, разгнѣванная богиня не представала бывшей тамъ же Акримоніи и не пригрозила ей, если она не откроется любви и не призрить на юношу, готоваго выйти изъ состоянія грубости. И онъ дѣйствительно воспитывается подъ вліяніемъ любви, Акримонія увлеклась имъ, а онъ, дотолѣ презрѣнныи ею, имѣлъ бы право въ свою очередь презирать ее, еслибы захотѣлъ.

Пока Акримонія рассказывала и пѣла гимнъ Беллонѣ, Амето впаль въ прежнія мысли, но его желанія приняли другой, болѣе идеальный оборотъ: онъ счастливъ уже тѣмъ, что видитъ, и мысленно благодаритъ любимую Лію, прислушивается къ рассказу нимфи и молитъ Феба замедлить свой бѣгъ, чтобы продлились бесѣды.

Красавица Агапе разгорѣлась, ея волосы распустились отъ жары, она разсказываетъ, смѣясь, громкимъ голосомъ, и ея разсказъ напоминаетъ у Боккаччо беззастѣнчивую характеристику его отца и нѣкоторыя откровенные страницы Декамерона, гдѣ старый, противный супругъ Агапе обратится въ плачевно-комичскій типъ мессера Риччьярдо ди Кивзика¹⁾. О своемъ отцѣ и матери Агапе желала бы скорѣе умолчать; не будь она ихъ дочь, она сочла бы одного не заслуживающимъ памяти, другую достойной безславія. Они не заставили себя любить, ибо одинъ терзалъ народъ острыми когтями, другая, листя языкомъ, высасывала изъ него кровь. Меня знаютъ по нимъ, точнѣе я себя не называю, продолжаетъ Агапе, очевидно, дѣйствительное лицо; дальнѣйшее упоминаніе Ахайи указываетъ, быть можетъ, на греко-итальянскія отношенія XIV-го вѣка: напомнимъ такія именно отношенія семьи Аччайоли²⁾. Предки отца Агапе были родомъ изъ Ахайи, крестьяне, прошедши въ купцы; но было бы лучше, еслибы они не бросили мотыки: молва обѣ ихъ роскоши,

1) Декам. II, 10.

2) См. выше стр. 55.

которая падеть столь же быстро, какъ возросла, наполнила весь свѣтъ; плебеи, прошедшіе въ знать, они не знаютъ мѣры, и возгордившись своими богатствами, беспокойной мыслью стремятся къ небу, но уже близится возмездіе по дѣламъ, пока еще скрытое отъ ихъ глазъ, имѣющихъ вскорѣ смежиться на вѣки. Но къ чѣму пророчу я свою собственную невзгоду? прерываетъ себя разсказщица. Изъ таковыхъ-то былъ ея отецъ; родители ея матери, богатые, но не знатные, занимались ростовщичествомъ и, обвѣшанные золотомъ, носили въ красномъ полѣ серебряный серпъ луны¹⁾). Отецъ, не обращая вниманія на презрѣнное ремесло, позарился на богатство невѣсты и женился; отъ этого брака и родилась Агапе. Ея образованіе было запущено, выдали ее замужъ за богатаго старика, видѣвшаго, быть можетъ, болѣе столѣтій, чѣмъ молодѣющій съ вѣками олень: на головѣ остатки сѣдыхъ волосъ, щеки и лобъ въ морщинахъ, длинная борода колется, какъ иглы ежа, красные, слезящіеся глаза выглядываютъ изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, блѣдныя губы, отвисшія, какъ ослиныя уши, не скрываютъ желтыхъ, порченыхъ зубовъ, въ которыхъ много недочета; на тощей, дрожащей шеѣ кожа обвисла и болтается съ каждымъ поворотомъ головы, руки хилыя, грудь высохла. Все другое въ томъ же родѣ; позже Боккаччо превзойдетъ это описание въ портретѣ вдовы Корбаччо. Такой-то мнѣ достался мужъ, жалуется нимфамъ Агапе. Въ описаніи супружескихъ ночей есть много непереводимаго: и безсиліе грязнаго старика, страдающаго безсонницей и не дающаго спать женѣ, и его хвастливые разсказы о его прежнихъ любовныхъ похожденіяхъ, и мораль и застращиваніе, когда онъ порицаетъ ташни боговъ и говорить о невзгодахъ, постигшихъ тѣхъ, кто преступилъ законъ. Вотъ онъ готовъ заснуть, а онъ начинаетъ съизнова: Счастлива ты, и благосклонны были къ тебѣ боги, что ты досталась мнѣ, а не какому-нибудь молодому! Ты у меня хозяйка, все мое блаженство въ твоихъ объятіяхъ, а у юношей

1) 1. с. стр. 122.

тысяча привязанностей, кто имъ ближе и доступнѣе, ту они меныше любятъ¹⁾, и они безумно стремятся къ чужому ложу; а Боже упаси, чтобы я когда-либо промѣнялъ тебя на другую!

Такъ проходили докучливыя ночи. Агапе рѣшается обратиться къ служенію Венеры: до тѣхъ поръ она не знала никакого божества²⁾. Молится въ храмѣ и — перенесена на колесницѣ, запряженной голубями, на огненную вершину горы Цитеры, гдѣ Венера является ей въ мirtовомъ лѣсу, краше той, какую изобразилъ Пракситель: она обнажена, лишь точайшій пурпурный вуаль спускается двумя складками на лѣвое плечо, золотистые волосы лежать по плечамъ. Она показываетъ Агапе Амура, кующаго свои стрѣлы и закалляющаго ихъ въ серебристомъ источникѣ, описание котораго повторяетъ Овидія³⁾. Внезапно онъ улетѣлъ; Венера увлекаетъ Агапе въ волны, цѣлуетъ ее, говоритъ, отвѣчая на ея вопросъ, что послала сына за юношей, котораго ей назначила. Онъ уже здѣсь, Агапе видѣть его среди кустовъ, онъ приближается къ нимъ, робкій и блѣдный; она застыдилась, онъ, увидѣвъ ее, измѣнился въ лицѣ и остановился. Когда богиня и Агапе одѣлись, Венера представляетъ ей Апироса: Онъ застѣнчивъ, питай тщательно пламя, которое я въ немъ зажгла, изгнавъ холодность, уподобляющую его Аглавру. Такъ она сказала, а я очнулась, полная страха, въ храмѣ передъ алтаремъ; оглянулась, чтобы посмотретьъ на Апироса, и увидѣла блѣднаго юношу, устремившаго на меня свои глаза; онъ, какъ и я, пораженъ былъ стрѣлою — и я засмѣялась.

Хвалебная пѣсня Агапе посвящена Венерѣ, чудесный свѣтъ ея горы простирается въ небо, другая часть спускается къ землѣ, все украшая на свѣтѣ, воспламеняя холодные умы къ познанію Бога, возбуждая стремленіе къ небу, съя братскую любовь.

1) Сл. выше стр. 184, прим. 3 и стр. 198, прим. 1.

2) Ameto, стр. 128.

3) Metam. III, v. 407—412; сл. Ameto, стр. 129—180.

Рассказъ Агафе страшно возбудилъ Амето; что бы онъ далъ, чтобы быть на мѣстѣ Апироса? Но онъ худороденъ, не богатъ, на что ему его красота? Онъ то разражается жалобами на судьбу и бѣдность, какъ Боккаччо, то воображаетъ себя на мѣстѣ Апироса и, обращаясь къ Фьямметтѣ съ просьбой продолжать рассказы, молитъ боговъ, чтобы ея рѣчи пришлись ему болѣе по сердцу, чѣмъ рѣчи умолкнувшей нимфы.

Фьямметта одѣта въ зеленый цвѣтъ, это ея символическій признакъ у Боккаччо. Она говоритъ съ достоинствомъ: много у ней на памяти привязанностей, она расскажетъ о самой сильной. Рассказъ ведется издалека, съ изгнанія Сатурна, о томъ, какъ основана была древняя Партеноне — Неаполь¹⁾), какъ одинъ изъ предковъ ея (мнимаго) отца подчинилъ себѣ древній градъ Ювенала²⁾), откуда, съ течениемъ времени, другіе переселились въ Неаполь, где они и до сихъ поръ занимаютъ высокое положеніе при дворѣ правителя, по праву прозваннаго Мидасомъ³⁾). Здѣсь ея отецъ женился на молодой француженкѣ знатнаго рода; Фьямметта не называетъ ее, а обозначаетъ аллегорически: богиня ста рѣкъ⁴⁾).—Что слѣдуетъ далѣе въ ея повѣсти, уже послужило намъ для біографіи Боккаччо⁵⁾): встрѣча Роберта на балу съ матерью Фьямметты и связь съ нею; воспитаніе дѣвочки въ монастырѣ, въ услуженіи Весты; ея замужество; разсказъ, какъ Фьямметта представлена Боккаччо въ видѣніи, въ вѣщемъ снѣ, въ церкви; отѣздъ мужа въ Капую и ночное посыщеніе Галеоне-Боккаччо.—Такъ я стала его, онъ моимъ, и такъ будетъ всегда, заключаетъ Фьямметта; она любить одѣваться въ зеленый цвѣтъ, потому что Галеоне позналъ ее неэрѣлой, не готовой для любви, прежде чѣмъ она къ нему воспылала. Ея гимнъ поетъ про небесный вѣнецъ Аріадны, который

1) Амето, стр. 197 слѣд.

2) Аквіно, сл. 1. с. стр. 142.

3) Робертъ † 1343, сл. выше стр. 81.

4) Dea credo di cento fiumi.

5) Сл. выше стр. 44, 110—112, 151—2.

сулла ей Венера, если она станетъ блюсти ея огонь. Боккаччо, очевидно, соединяетъ съ миѳомъ о золотомъ вѣнцѣ, даромъ Венеры Ариаднѣ, перенесенномъ Вакхомъ на небо въ число свѣтиль¹⁾—понятіе высокаго, самоотверженаго подвига: къ нему стремились Персей и Тезей, Брутъ и Кимонъ, Фабрицій и Цицеронъ; Диодона и Библида не наложили бы на себя руки, еслибы духъ побѣдилъ въ нихъ тѣло. Я сама, заключаетъ Фьямметта, перенесла изъ-за любви всѣ печали, какія испытываетъ человѣкъ, желающій сберечь ее, выжидая, подчиняя свою волю страданіямъ—и я надѣюсь выйти съ побѣдою и насладиться ею, увѣнчавная вѣчной славой.

Такъ впервые мимолетно намѣчаются новый образъ страдающей Фьямметты, приготовляющей насъ къ аллегорическимъ откровеніямъ Любовнаго Видѣнія и объективности повѣсти, которыми кончается любовный романъ Боккаччо: Фьямметтѣ.

Разлегшись на травѣ, опустивъ голову на лѣвую руку²⁾, Амето внимательно слѣдить за Фьямметтой глазами и ухомъ. Ему любы разсказы о древней Партенопе, онъ слышалъ, что тамъ въ обиліи водятся молодыя, игривыя козочки, быстрыя лани и олени самки, пріученные къ охотѣ: очевидно, аллюзія на аллегорическую охоту Идалага³⁾. Онъ дивится смѣлости Галеоне и вмѣстѣ поощряетъ ее: изъ-за такой женщины счастье и умереть.

Послѣдній разсказъ оставался за Ліей. Когда Амето поднялъ на нее глаза, онъ внезапно пораженъ ея чудесной красотою и упрекаетъ себя въ желаніи, которое не разъ выражалъ про себя: быть на мѣстѣ Ибриды, Діонео, Калеоне. Онъ счастливъ однимъ сознаніемъ, что любить и любимъ.

Лія флорентинка; пользуясь тѣмъ, что солнце еще высоко и времени много, она разсказываетъ легенду объ основаніи Флоренціи. Боккаччо любить возвращаться къ этой легендѣ, попу-

1) Сл. Gen. Deor. XI, 29; иначе Ovid. Fast. 3, 503; Metam. 8, 177 слѣд.

2) И Филоколо сидѣть, опустивъ голову на лѣвую руку. Отмѣтимъ эту графическую подробность, опущенную въ нашемъ пересказѣ, выше стр. 214.

3) Сл. выше стр. 109.

лярной въ хроникахъ XIII—XIV вѣковъ, начиная съ *Libro fiesalano*; онъ коснулся ея въ Филоколо¹⁾ въ эпизодѣ о построеніи Чертальдо, а теперь раззвѣчиваетъ классическими именами и мотивами: на сценѣ Италъ, сынъ Корита (Фьезоле) и Ахименидъ, внукъ Лайя, мальчикомъ спасенный отъ разгрома Оивъ Тезеемъ; онъ основатель новыхъ Оивъ, имя Флоренціи дано Марсомъ въ честь Венеры; боги участвуютъ и препираются въ наименованіи города, какъ въ мноѣ обѣ основаній Аeinъ. Даѣе разсказъ впадаетъ въ колено хроникъ, съ «жестокимъ Вандаломъ»²⁾, вместо обычнаго Аттилы или Тотилы, и Карломъ великимъ, третьимъ обновителемъ города. — Въ немъ родились предки Лія и она сама; съ юности преданная Цибелѣ, она воспылала пламенемъ Венеры; рано потерявъ первого мужа, она вышла за втораго и счастлива въ бракѣ, а теперь, какъ видите, я увлекла собою Амето³⁾ и сама, имъ увлеченная, излѣчила его моимъ свѣтомъ отъ духовной слѣпоты, расположила къ откровенію высокаго и неоцѣнимаго. Ея гимнъ Цибелѣ, начинающійся парафразой дантовскаго стиха⁴⁾, вводить въ фантасмагорію отвлеченныхъ добродѣтелей и классическихъ богинь — элементъ христіанства. Естественный разумъ не пойметъ тайнъ, раскрытыхъ мнѣ Цибелой, если не будетъ вѣры, простодушной, не ищущей причинъ, говоритъ Лія, и ея пѣсня не что иное, какъ парафраза символа вѣры⁵⁾, гдѣ имена Йордана и Моисея чередуются съ Плутономъ, Церера и Вакхъ символы евхаристіи, а въ концѣ выражена надежда, что душа Ліи, чистая, свободная отъ всякихъ скверны, увидить въ небѣ — свою Цибелу.

День склонялся къ вечеру, когда Лія умолкла; Амето видѣть въ небѣ битву семи бѣлыхъ лебедей и семи аистовъ, кончая-

1) См. выше стр. 245.

2) Ameto, стр. 180.

3) Presi Ameto del mio piacere, стр. 181.

4) Стр. 182: O voi che avete chiari gl'intelletti; см. стр. 68: Rendendo quinci gl'intelletti sani.

5) См. такую-же парафразу въ Филоколо, выше стр. 247.

щуюся побѣдою первыхъ — и не понимаетъ смысла видѣннаго имъ (очевидно, борьба добродѣтелей съ пороками), когда пораженъ явленiemъ съ неба огненнаго столба. Изъ него слышится голосъ: Я вебесный свѣтъ, единый и троичный, начало и конецъ всего; кто послѣдуетъ за мною, никогда не будетъ блуждать въ юдоли мрака и печали. — Это не та Венера, которую зовутъ богиней невѣжды, живущіе своими беспорядочными вожделѣніями, а та, отъ которой исходитъ къ смертнымъ настоящая, праведная любовь.—Лица нимфъ просвѣтились, особенно Лія и Агапе; ободренный этимъ, Амето пытается взглядѣться въ огненный столбъ, но въ состояніи схватить лишь очертанія какого то тѣла, искрившагося, какъ желѣзо, вынутое изъ кузни. Снова слышится голосъ, побуждающій нимфъ просвѣтить затемненныя очи Амето, дабы онъ могъ пересказать людямъ, что дозволено лицезрѣть смертному. Нимфи совершаютъ надъ нимъ символическіе обряды: Лія сняла съ него грубыя одежды и, погрузивъ въ источникъ, сдала Фьямметтѣ, Монса отерла его глаза, Емилія направила ихъ, Акримонія изоширила, Адіона одѣла его въ драгоцѣнное платье, Агапе вдохнула въ него невѣдомое пламя; устремивъ взоры на неизреченную красоту, онъ изумляется не менѣе, чѣмъ изумились Ахейцы, узрѣвъ Язона пастухомъ¹⁾, и уже различаетъ въ огненной колоннѣ прекрасный человѣческій обликъ, то въ одномъ, то въ нѣсколькихъ видахъ. Онъ молится триединому божеству, единственному свѣту неба и земли, что взыскалъ его такимъ благомъ: семь огней (добродѣтелей) обвили его душу, какъ плющъ обвиваетъ вязъ, сосутъ ее, но ему не больно, и онъ не старается отъ нихъ избавиться; да будетъ такъ всегда, дабы душа его безпрепятственно могла вернуться, откуда пришла, когда Атропосъ отрѣшилъ ее отъ тѣла.—Надѣйся и твори доброе, и твое желаніе исполнится, вѣщаетъ, исчезая, богиня, а нимфи поощряютъ Амето своимъ пѣснопѣніемъ: онъ, рожденный въ первые дни творенія на лонѣ неизреченной любви, являютъ ея свѣтъ

1) Стр. 189; с. Parad. II, v. 16—18.

въ мірѣ, въ небѣ-же горятъ звѣздами¹⁾ — какъ нимфы дантовскаго Чистилища²⁾, уже навѣявшаго одно изъ сновидѣній Флоріо³⁾.

Теперь только Амето приходитъ къ сознанію того, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ онъ сталъ. Ему понятнѣе пѣсни нимфъ, и онъ начинаетъ разумѣть, что означалъ и гимнъ Ліи, и преніе пастуховъ; нимфы, дотолѣ нравившіяся его тѣлеснымъ очамъ, прельшаютъ теперь его духовныя очи; онъ стыдится своихъ прежнихъ вожделѣній, понимаетъ, что такое любовь нимфъ, и счастливъ сознаніемъ, что въ состояніи любить многихъ. Изъ грубаго животнаго онъ сталъ человѣкомъ, и заключительная пѣснь пасторали — благодарственный гимнъ Амето къ триединому Божеству⁴⁾, воззвавшему его къ новой жизни воздействиемъ нимфъ-добрѣтелей. Повѣсть о бывшемъ съ нимъ онъ завѣщаетъ тѣмъ, кто-бы пожелалъ увлечься ими, подобно ему: пусть хранятъ его стихи отъ завистливої или небрежной руки, дабы ихъ не растеряли, не употребили бы на обертку и на другія низменныя подѣлки; пусть лучше станутъ они жертвою пламени⁵⁾.

Стемнѣло; замолкли птицы на вѣткахъ, трели цикадъ смѣнились трещаньемъ кузнечиковъ въ разсыпахъ высохшей земли, на западѣ въ теплыхъ лучахъ заходившаго солнца показалась вечерняя звѣзда. Всѣ расходятся, и Амето бредеть домой, полный веселья и любви.

Такова попытка Боккаччо обосновать теорію платонизма на фактахъ житейской любви; попытка, въ литературномъ отношеніи, оригинальная, по смѣщенію пасторали съ аллегоріей, новеллы съ отвлеченіемъ, прозы съ дантовской терциной, рѣдко выходящей за предѣлы посредственнаго подражанія. Не смотря на эту гибридную форму, которую Боккаччо оставилъ для ре-

1) Стр. 191: Così nel ciel ciascuna appare stella.

2) Purg. XXXI, 106: Noi sem qui ninfe e nel ciel semo stelle.

3) Сл. выше стр. 280—1.

4) O Diva luce in tre persone, стр. 194.

5) Стр. 195—6.

лизма своего *Ninfale Fiesolano*, Амето достигает поэтического впечатлёнія: надо прочесть его цѣликомъ, тогда забудутся его длинноты, слащавый реторизмъ и будничная откровенность — и въ памяти отложится идилія, полная неясныхъ мелодій, цветовъ и картинокъ природы, сказка о любви, воспитавшейся оть наивности къ человѣчности въ границахъ благоухающаго весеннаго дня подъ пологомъ лѣсовъ. Боккаччо могъ обманывать себя на счетъ осуществимости этой сказки, но, очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ одной лишь реторической игрой въ аллегорію, могущей раскрыть все во всемъ, а съ чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, чтѣ въ извѣстную пору волновало автора: оть бесѣдъ въ Філоколо до Любовнаго Видѣнія одинъ и тотъ же вопросъ повторяется неизмѣнно, отражаясь своими мотивами и въ новеллѣ о Чимоне. Но въ Декамеронѣ Боккаччо стоялъ на высотѣ своего объективнаго творчества, борьба для него прошла, вмѣстѣ съ тѣмъ отпали шлаки идеализма и аллегоризма, въ которыхъ онъ искалъ успокоить мягкое чувство, и выяснилось пластически одно положеніе, что любовь и красота поднимаютъ нравственный тонъ человѣка. Не къ такому скромному рѣшенію приготовлялъ, казалось, Амето: здѣсь вопросъ поставленъ шире, смыслъ и вмѣстѣ жизненнѣе; всякая кроха земной любви ушала съ неба, пламя Цитеры поднимается до него и въ тоже время окутываетъ землю, міръ — гигантская лѣствица звуковъ и красокъ, снующихъ одну и туже мелодію, одинъ и тотъ же образъ, внизу они гуще и матеръянѣе, на верху ихъ очертанія теряются въ лонѣ божества. У Петрарки¹⁾ эта міровая обязательность любви представляется абстрактнѣе, у Боккаччо поражаетъ излишняя откровенность въ разсказахъ объ увлеченіи Мопсы, о супружескихъ невзгодахъ Агапе, которая и не идуть къ дѣлу; но Адіона счастлива въ супружествѣ, Лія во второмъ бракѣ, и обѣ горятъ Амуромъ и силою чувства поднимаются до своего уровня материалиста Діонея и непочатую натуру Амето, раскрывая передъ ними въ пер-

1) Fam. III, 11: до 1340 г.; съ Ep. metr. II, 9.

спективъ образъ небесной Венеры и — триединаго Бога. Образы сливаются, Боккаччо стоитъ еще на синкетизмѣ Филоколо, но тамъ онъ не служиль, какъ здѣсь, цѣлямъ философскаго обобщенія, и въ письмѣ къ Бартоло дель Буоно авторъ спѣшитъ подчинить свои взгляды суду «нашей матери и наставницы, святѣйшей римской церкви».

Страстный идеализмъ Амето отражаетъ психологическій моментъ, въ которомъ онъ былъ писанъ; заключительныя терцины пасторали, стоящія вѣ ея дѣйствія, и письмо къ Бартоло дель Буоно¹⁾ проливаются на него свѣтъ. Авторъ говоритъ, что, скрытый въ густой листвѣ, онъ невидимо присутствовалъ при любовной бесѣдѣ. Онъ переживаетъ положеніе своего героя, подсказываетъ ему свои желанія, когда, еще не просвѣщенный, Амето пожирается глазами красавицѣ-нимфѣ. Его взгляды должны были смущать ихъ, и авторъ готовъ показаться, чтобы помѣшать ему, но рѣшимость его оставляла, когда самъ онъ принимался созерцать нимфѣ и слушалъ ихъ сладостное пѣніе. *Новое пламя обновило въ немъ старое*, заглохшее, сердце больнѣе ощутило свои раны при видѣ чужаго счастья, и *чистое наслажденіе*, которое онъ испыталъ вначалѣ, замутилось желаніемъ того, что невозможно, неосуществимо. — Полны грустныхъ мыслей, жажды смерти, онъ возвращается подъ постылый отеческій кровъ.

Прими эту розу, выросшую среди терній моего бѣдственнаго существованія, о мой единственный другъ, настоящій образецъ дружбы, пишетъ Боккаччо къ Бартоло дель Буоно въ заключеніи Амето: я былъ въ крайней печали, когда этотъ цвѣтокъ насильно выростила изъ грубыхъ терній флорентинская красавица, доставивъ мнѣ удовольствіе — изобразить ее. Да приметъ мой єиміамъ богиня, помогавшая мнѣ въ этомъ трудѣ, вѣнокъ — красавица, давшая къ нему поводъ. А ты прими мою книгу, какъ свою, береги на лонѣ, какъ любовно питалъ пославшаго ее, утѣши ласковыми словами сирную, подобно мнѣ разлученную съ своей

1) Сл. выше стр. 176.

властительницей, пока, соединившись съ нею, она не ощутитъ полноты радости.

Это послѣдователіе уясняетъ положеніе, намѣченное въ послѣднихъ терцинахъ автора. Новое пламя—не новая страсть, а обновившаяся примѣръ другой, счастливой и идеальной, проявившей свое чистое вѣяніе на Ибридѣ, на Амето. Въ какой изъ нимфъ скрывается флорентинская красавица — мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ: можетъ быть, въ Лії, героинѣ пасторали, или въ Емилії, къ которой Боккаччо пріурочилъ часть своей біографіи. Въ томъ и другомъ случаѣ чистое наслажденіе, имъ испытанное, заставило его съ новой страстью обратиться къ памяти о своей *donna gentile*, идеализуя, подъ стать другимъ, ея отношенія къ Калеоне. Почему-же Калеоне несчастенъ, къ чему привело воспитаніе любовью, обѣщавшее такъ много и такъ на-долго? Въ комъ вина? Смысь Любовнаго Видѣнія, на нашъ взглядъ, лежитъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: мы раскрываемъ еще одну любопытную страницу въ любовныхъ переживаніяхъ Боккаччо.

IV.

Поэма затѣяна вскорѣ послѣ Амето¹⁾; если допустить догадку²⁾, что въ 1342 году Боккаччо снова на короткое время былъ въ Неаполѣ, то Любовное Видѣніо написано послѣ поѣздки: такъ много въ немъ неаполitanскихъ воспоминаній. Одинъ сонетъ³⁾ говоритъ о возвращеніи поэта откуда-то по горамъ, лѣсамъ и долинамъ и бурному морю; его окрыляетъ надежда увидѣть свою милую, ласковую, сострадательную (*pietosa*) — а она почему-то на него негодуетъ, и онъ клянеть и горы и море, что

1) На котораго ссылается въ XLI, 12. Изъ новѣйшихъ работъ о Любовномъ Видѣніи укажемъ на: Vincenzo Catenacci, L'Amorosa Visione di G. Boscaccio. Monteleone, 1892. Дантовскія заимствованія у Боккаччо отмѣчены здесь особенно полно.

2) Сл. выше стр. 178.

3) Сон. LIX.